

НОВОЯВЛЕННЫЙ АДВОКАТ «МОСКОВСКОГО ГЕРОСТРАТА»

В монографии, опубликованной 10 лет назад, мы прикоснулись и к теме *первопричин московского пожара* и по этому поводу заметили, что «вопрос о причинах и виновниках печально известного московского пожара *навсегда останется актуальным для историографии, особенно отечественной*. Сложность в ответе на данный вопрос проистекает из того, что он имеет две ипостаси: *идеологическую и фактологическую, причём первая всегда довлела над второй*».

Первым делом мы указали на то, что «*московский пожар нельзя рассматривать изолированно от предшествовавших ему событий, без учёта той «скифской тактики», которая методично применялась российским командованием от самой границы, и сменившей её после оставления Смоленска «тактики выжженной земли»*». Далее мы привели *массу свидетельств с русской и с неприятельской стороны* в пользу того, что *первоначальный поджог «первопрестольной» был совершён россиянами и был совершенно не нужен завоевателям*. Ещё раньше такое же мнение высказывали В.М. Холодковский, А.Г. Тартаковский и С.В. Шведов, но их доказательная база была гораздо более скромной.

В заключении мы подчеркнули, что этот вывод «не исключает того факта, что *позднее локальные пожары возникали и по вине распустившейся солдатни, но это не являлось первопричиной грандиозного пожара*. Мы убеждены, что с точки зрения фактологии вопрос о виновниках пожара Москвы можно считать решённым, и полностью согласны с Н.А. Троицким – *в этих спорах давно уже пришло время поставить точку. Проблема заключается в идеологическом аспекте, поскольку извращённый «патриотический гонор» многих отечественных авторов никак не позволяет им принять очевидный вывод и заставляет их ретранслировать пропагандистские фальсификации, не соответствующие исторической реальности*¹.

Наши «предсказания» полностью оправдались, и в юбилейном году объявился очередной «квасной патриот», М.В. Борисов, который при содействии С.В. Львова и К.Л. Козюрёнки попытался опровергнуть наши аргументы².

Первым делом Борисов грозно заявил, что в последние годы в российской науке прослеживаются некоторые тенденции, которые «никак нельзя назвать положительными». «Появилась целая плеяда историков, которые поставили своей целью очистить тему войны 1812 года от ми-

фов эпохи застоя». Причём за эталон были взяты западные образцы понимания этого события, и предпочтение стали отдавать иностранным материалам и публикациям... Наметился явный крен в сторону пронаполеоновского восприятия войны 1812 г. и навязывания этой точки зрения под видом найденной, наконец-то, истины. В итоге взвешенный подход на основе изучения материалов обеих сторон заменяется личными пристрастиями этого круга историков. Обычными стали искажения событий путём замалчивания документов с русской стороны, выборочного их использования в угоду своему видению, подачи источников зарубежного происхождения как наиболее объективных... По сути, одни мифы подменяются другими».

Уже в этом «назидательном предупреждении» Борисов позволил себе *беззастенчиво лгать*. Он почему-то в упор не желает видеть, что мы всегда учитываем показания не только неприятельских, но и российских участников войны! Он пишет о «мифах эпохи застоя», но на самом деле эти мифы родились ещё 200 лет назад. Его раздражает, что историки нового поколения активно вводят в научный оборот иностранные, ранее неизвестные российскому читателю источники, которые помогают развенчивать древние мифы, исповедуемые ура-патриотами. Борисов *весьма искажённо представляет себе задачу настоящего учёного-историка, который должен стремиться к объективности, а не слепо отстаивать любыми способами постулаты и «эталоны» той или иной национальной историографии или руководствоваться личными пристрастиями!* Он даже не заметил, что мы вообще не интересовались мнениями о московском пожаре западных историков как заведомо вторичными, а *анализировали только показания современников и очевидцев, причём с обеих сторон*.

После этого Борисов попытался педантично оспорить все наши аргументы, пообещав процитировать документы, нам якобы неизвестные либо сознательно нами же искажённые.

1. «Пункт первый» о том, что почти все чины Великой армии были уверены в том, что Москву подожгли русские, показался ему сомнительным на том основании, что было бы странным, чтобы наполеоновские солдаты «стали дружно упрекать себя в несчастьях войны, выпавших на долю населения этой страны, каяться в содеянном и посыпать голову пеплом. *Чины русской армии не менее единодушно приписывали сожжение Москвы рукам*

французов». «К тому же, в стане врагов имелись и другие мнения на этот счёт», – заявил Борисов и привёл цитату из мемуаров Ф.В. Лоссберга.

Обратим внимание на следующие моменты. В отличие от воинов наполеоновской армии, чины российской армии *не были свидетелями зарождения пожара*, а потому их мнения никакого значения не имеют, ибо они были сформированы под влиянием официальной пропаганды. Лоссберг также не видел начала пожара, ибо находился в тот момент в Можайске. С помощью такой вот *подтасовки фактов* Борисов попытался опровергнуть наше утверждение.

2. «Говоря о *пресловутой «скифской тактике»*, не следует считать её методы типичной чертой исключительно русских», – пишет Борисов и приводит цитату из воспоминаний Х. Брандта о том, что *Смоленск первоначально загорелся от французских гранат*, а пожары с 18 по 23 августа «происходили, несомненно, от небрежности солдат Великой армии». И вновь мы встречаемся с *подменой понятий, подтасовкой фактов и их выборочным цитированием*.

На самом деле Брандт писал, что вечером 17 августа в различных местах Смоленска «вспыхнули пожары, *то ли от наших гранат, то ли от умышленных действий русских ... Русские зажгли свои провиантские магазины...* На левом фланге также вспыхнул сильный пожар: загорелись сарай, *подожжённые русскими*, наконец, и на правом фланге показался огонь: *русские гранаты зажгли* большой навес для склада кирпичей, куда были снесены тяжелораненые». Утром 18 августа французская армия вступила в город, «некоторые колонны двигались к Днепру, другие *получили приказание тушить пожар*». «То, что первоначальные пожары были произведены нашими гранатами, – подытожил Брандт, – это не подлежит сомнению; *я упоминал также, что русские, отступая, зажгли магазины, и что отсюда огонь распространился на другие кварталы города*; но пожары, повторявшиеся с 18-го по 23-е число, происходили, несомненно, от небрежности солдат Великой армии»³.

Описанные действия противника никак не подпадают под определение «скифской тактики». Критик даже не понимает, что означает это понятие, хотя сделал вид, будто бы читал нашу книгу. Придётся пояснить ему, что эту тактику применяет отступающая армия перед лицом наступающего противника, а Великая армия вступала в Москву в качестве победительницы, и пожары ей были совсем не нужны. К тому же имеется множество свидетельств того, что *поджог Петербургского предместья Смоленска 18 августа совершили именно русские егеря* – критик об этом даже не слыхивал.

Далее Борисов привёл слова Лоссберга о том, будто бы деревни в окрестностях Дорогобужа были сожжены наполеоновскими солдатами, совершенно не зная того факта, что во время отступления русской армии мемуариста не было в этом районе, ибо его корпус очищал от трупов поле боя при Валутиной Горе! С другой стороны, имеются *десятки свидетельств* о том, что Дорогобуж был подожжён отступающими русскими войсками, *как и все города и деревни оттуда до Москвы*.

Будучи бессильным опровергнуть эти самые свидетельства, Борисов далее объявляет, что *во время отступления* наполеоновские солдаты также поджигали русские селения. При этом он ссылается на древний перевод воспоминаний Ф. Фюртенбаха (на самом деле, *Фуртенбаха*), где рассказывается о том, что творилось *в Литве в ноябре и декабре*! А причём тут Москва? Затем критик привёл столь же длинную цитату *о подрыве московского Кремля* отступающими наполеоновскими солдатами – «акт низкой мести завоевателя не покорившемуся русскому народу». При этом сочинителю совершенно неизвестна аргументация Наполеоном данного поступка – *коли сами русские не пожалели свою древнюю столицу*, то чего же нам жалеть об их Кремле!

В очередной раз мы сталкиваемся с типичной *подменой понятий*. Мы разбираемся в *первопричинах московского пожара*, а Борисов вещает читателю о совершенно других вещах. О скифской же тактике, применявшейся русскими *с самого начала войны и до Москвы*, он предпочёл вообще умолчать. Между тем самые опытные и прозорливые из наполеоновских воинов заранее предвидели, что при такой «истребительной тактике» вскоре должна загореться и Москва, но большинству офицеров такая мысль показалась чудовищной и невероятной.

3. Далее эта *подмена понятий* продолжается. Объективные историки полагают, что поджог «первопрестольной» был совершен *по инициативе генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина*, а Борисов ни с того ни с сего принялся убеждать читателя, что «сожжение Москвы никак не входило в *планы русской армии* и явилось для русских солдат и офицеров *не менее неожиданным и ужасающим зрелищем, чем для французов*». После этого следуют длинные цитаты, *не имеющие к виновникам поджога Москвы ровным счётом никакого отношения!* *Совершенно непонятно, с кем это наш автор полемизирует?* Пусть он назовёт имя хотя бы одного очевидца или историка, кто бы обвинял в поджоге города *русскую армию!* Кроме того, сам же Борисов опрометчиво признал, что и для противника этот пожар стал «неожиданным и ужасающим зрелищем»!

4. Борисов обвинил нас в том, будто бы мы ссылались на тех иностранных авторов, которые сами не видели пожара Москвы. Это не что иное, как *несуветная ложь*, ибо все показания, кроме записи в дневнике Ф. Гиссе, даны именно очевидцами событий.

5. Борисов попытался оспорить показания неприятельских мемуаристов о том, что поджог Москвы был осуществлён русскими *с целью лишить наполеоновскую армию всех продовольственных запасов*. Он вновь привёл целую кучу цитат о том, что, несмотря на пожар, в подвалах московских строений сохранилось большое количество продовольствия. И вновь мы сталкиваемся с *подменой понятий!* Напомним, что речь-то идёт о *виновниках поджога города*, а критик «переводит стрелки» на подвалы! Коли там продукты сохранились, значит, такого умысла у русских не было! Как видно, логика в этом рассуждении отсутствует. К тому же автор постоянно ссылается на примитивные дореволюционные «переводы», а точнее сказать, пересказы мемуаров, и доверчиво воспроизводит откровенно фантастическое заявление, будто бы при оставлении Москвы наполеоновской армией «в магазинах осталось столько овса, что его *хватило бы для прокорма 20 тысяч лошадей в течение шести месяцев*». Только излишне доверчивый человек может поверить в подобные фантазии, кем бы они ни были написаны! Вполне очевидно, что автор помимо прочего не имеет никакого представления о таком важнейшем для историка понятии, как «критика источника».

6. Следующее возражение Борисова касается количества преступников, выпущенных из московских тюрем Ростопчиным. Ссылаясь на приведённую нами цитату из дневника Гиссе о том, что поджигателей было 3 тыс., он заявил, будто бы мы и сами считаем эту цифру верной и всех их полагаем каторжниками. *Ничего подобного в нашем тексте, разумеется, нет!* Прочитав затем несколько документов относительно московских тюрем, Борисов заявил, что «не было никаких душеспасительных сцен с приездом самого Ростопчина, речью его перед колодниками, вручением факелов и других зажигательных веществ, *которые так любили живописать вслед за французами поверившие им на слово историки*». Очень хочется узнать у критика, в каких это книгах он вычитал описание подобных сцен? Пусть он приведёт хотя бы одну цитату! Перед нами *старый, как мир, приём – придумать себе врага, приписать ему все возможные грехи и затем с упоением раскритиковать его* в пух и прах. Приписав нам заявление о «*массах поджигателей*» и о «*большом числе московских полицейских офицеров, которые оста-*

лись в городе переодетыми и занимались поджогами», Борисов бросился опровергать эти самые, *им самим выдуманные*, утверждения.

Далее Борисов процитировал известный рассказ В.А. Перовского о его пребывании в плену, который на самом-то деле лишний раз подтверждает, что *из города были вывезены пожарные трубы и что французы активно занимались поиском поджигателей*. Затем критик привёл слова другого очевидца Е.А. Харузина о том, что «французы, умывая, так сказать, руки в непричастности своей к московским пожарам, искали виновников и находили - всё русских». При этом он почему-то «не заметил» слова того же Харузина, написанные страницей выше: «Въезд Наполеона в Кремль, как известно, был приветствован *достойным русских образом*: в тот день загорелись на Москва-реке барки с хлебом и на ее набережной хлебные лабазы; в то же время занялся и Гостиный двор»⁴.

И вновь наш критик применяет *выборочный способ цитирования*: то, что соответствует его априорной «концепции», он упоминает, а то, что не помещается в её «прокрустово ложе» – замалчивает. По той же причине он готов верить всему, что хоть как-то соответствует его идее фикс, в том числе *откровенно завиральному* заявлению А.Я. Булгакова о том, будто бы сами французы *печатно* объявили, что «зажигальщикам домов будут выдаваемы денежные вознаграждения», а потом повесили «пьяных бродяг», которые явились к ним за награждением. Помимо прочего автору и в голову не пришло, что пьяные бродяги вряд ли разумели грамоту...

7. Далее Борисов зачем-то привязал к данной теме длинный рассказ о воздушном шаре авантюриста Ф. Леппиха, который мы вообще не затрагивали как откровенно фантастический и не имеющий никакого отношения к поджогу Москвы. Цель критика понятна – доказать, что поголовно все французские документы лгут.

На протяжении нескольких страниц Борисов приводит цитаты из протоколов французского трибунала, которые совсем недавно уже проанализировал В.Н. Земцов, с выводами которого мы в целом согласны. На основании анализа русских источников историк пришёл к выводу, что, вопреки заявлениям французов, *в организации московских поджогов главную роль сыграли вовсе не каторжники, большинство которых было отконвоировано из первопрестольной*. На показательном процессе, устроенном 24 сентября, из 26 подсудимых ни один не был отнесён к уголовникам. В грабежах и поджогах участвовали русские раненые и дезертиры, местная чернь, окрестные крестьяне и арестанты, выпущенные из Временной тюрьмы, под руководством квартального надзирателя П.И. Вороненко.

8. После этого следует столь же пространный рассказ о приказе Ростопчина вывезти из города пожарные трубы. Борисов заявил, что были вывезены *только* пожарные трубы, а «все остальные инструменты остались на месте, равно как и Москва-река», так что Ростопчин не виноват в гибели города, ибо даже наличие труб не могло спасти его от гибели. Удивляет, на какие ухищрения готов идти Борисов ради защиты своего подопечного!

9. Борисов вынужден признать, что «сохранились воспоминания французов о том, как они находили начинённые порохом и другими горючими веществами устройства в печах и дымоходах некоторых домов», но тут же спешит ослабить силу этих фактов тем, что «сами французы поступали точно так же, оставляя населённые пункты. Достаточно вспомнить бой за Вязьму». И снова идёт *подмена понятий*. Вместо выявления фактов *первоначального поджога* Москвы читателя опять уводят в сторону. Мы сильно сомневаемся в том, чтобы во время спонтанного и поспешного боя за Вязьму у французов было время заниматься минированием домов, скорее всего, они подрывали нетранспортабельные зарядные ящики. Но после Малоярославца Наполеон, действительно, отдал приказ арьергарду сжигать за собой оставляемые селения, чтобы задержать продвижение русского авангарда. Однако к поджогу Москвы это не имеет равным счётом никакого отношения!

10. Далее Борисов приводит обширнейшие цитаты из общеизвестной переписки Ростопчина и не находит в ней никаких указаний на его организаторскую роль в поджоге: «Нет ни предписаний, ни рапортов исполнителей. Нет этого и в переписке. После пожара также отсутствуют какие-либо упоминания, что «дело сделано». Какой же степенью наивности нужно обладать, чтобы рассчитывать найти в *официальной переписке* губернатора прямые признания в содеянном?! Такие приказы могли отдаваться только устно, о чём и писал Вороненко. Тут же процитировано письмо Ростопчина П.А. Толстому, в котором Борисов *сознательно* опустил следующий пассаж о русских войсках: «Армия в летних панталонах, измучена, без духа и вся в грабеже. В глазах генералов жгут и разбивают [дома] офицеры с солдатами. Вчера два преображенца грабили церковь». Такой вот у нашего критика избирательный способ цитирования источников!

Он умолчал также о том, что перед выездом из города Ростопчин написал супруге: «Когда ты получишь это письмо, Москва будет превращена в пепел, да простят меня за то, что вознамерился поступить как Римлянин, но если мы не сожжем город, мы разграбим его. Наполеон сде-

лает это впоследствии – триумф, который я не хочу ему предоставлять». По этому поводу ещё Тартаковский резонно заметил: «Строго говоря, одного этого письма было бы достаточно, чтобы считать решающую роль Ростопчина в сожжении Москвы окончательно доказанной!»

11. После этого Борисов попытался дезавуировать показания главных русских «свидетелей по делу»: дочери Ростопчина и Вороненко. С первой он расправился довольно легко, сославшись на её малолетство. Но свидетельством Вороненко обойти невозможно, и Борисов заявил, что тот получил приказ поджигать *только казённое имущество*. Неизвестно с кем споря, критик заявил, что «Ростопчин не имел заранее разработанного плана или директивы о всесожжении древней столицы». Разумеется, что никаких директив он не получал, но наметить объекты для поджога ему не составляло труда.

О показаниях прочих *свидетелей с российской стороны* Борисов вообще стыдливо умолчал. Между тем генерал Р. Вильсон, контактировавший тогда с Ростопчиным, писал: «Победоносный неприятель надеялся отдохнуть среди богатств и роскоши в ожидании мира, который Бонапарт обещал своей армии ещё в Смоленске. Но *русские решились на такое возмездие*, каковое стало более губительным по своим следствиям, нежели борьба посредством оружия ... *Пожар столицы показал враждебность нации*». По словам Вильсона, Кутузов в разговоре с генералом Ж. Лористонем, «не признавая французов в сем деле виноватыми, сказал, что *сие было следствием общего мнения русских, которые ценят Москву не более всякого иного города в империи*». В русской листовке «Официальные известия из армии» сообщалось: «Лористон утверждал, что французы не поджигали Москвы, что подобные злодеяния не согласуются с их характером», на что Кутузов ответил: «Я хорошо знаю, что это сделали русские; проникнутые любовью к родине и готовые ради неё на самопожертвование»⁵. Напомним, что *это свидетельства с русской стороны, а не наветы иностранцев!*

12. Следующий наш аргумент о том, что завоевателям было совершенно невыгодно сжигать Москву, Борисов парирует такими словами: «То, что верно для всей армии в целом, может выглядеть совершенно по-другому для отдельных солдат». Дисциплина неприятельских воинов при достижении Москвы стремительно упала (с чего бы это?) и теперь они «стремились в первую очередь *вознаградить себя* за лишения, испытанные во время кампании» (путём уничтожения своей собственной добычи?!). Далее на 8 страницах приводятся многочисленные примеры бесчинств неприятельской солдатни в

Москве безо всякого указания на время.

В очередной раз мы сталкиваемся с *подменой понятий*. Речь, напомним, идёт о том, *кто первым поджег* «первопрестольную», а Борисов «сгрёб в одну кучу» все примеры эксцессов, совершенно не учитывая времени их осуществления. Но в своей монографии мы привели *массу свидетельств того, что пожары в Москве начались ещё вечером 14 сентября и разгорелись в ночь на 15 сентября, когда главные силы Великой армии ещё не вступили в город*, да и с дисциплиной дело ещё обстояло более-менее благополучно. Борисов же заявил, будто пожар начался лишь 15 сентября. Его цель понятна – обвинить наполеоновских солдат в поджоге. Но на самом деле все многочисленные цитаты, приведённые критиком, *не имеют абсолютно никакой доказательной силы!*

Поскольку для нас вопрос о московском пожаре являлся, по сути, второстепенным и побочным, далее Борисов обрушился на работы Земцова, который гораздо основательнее изучил данную проблему⁶. Не видим никакого смысла в том, чтобы пересказывать эти нападки, но подчеркнём следующее обстоятельство. *Будучи сам откровенно и неприкрыто тенденциозным и необъективным*, критик именно в этом и попытался обвинить Земцова.

Выводы Борисова сводятся к тому, что «пожар Москвы произошёл в силу совокупности целого ряда причин». К ним он отнёс: «1. Поспешное оставление огромного города подавляющим большинством населения... не был потушен огонь, оставалась горящая свеча или лучина». «2. Действия солдат Великой армии в Москве, которые на общем фоне падения дисциплины, грубо нарушали правила пожарной безопасности». «3. Частные случаи поджога со стороны военнослужащих Великой армии и представителей низших слоёв общества». «4. Зажжение ряда казённых мест и некоторого количества барок на Москва-реке по приказанию военного губернатора». «5. Погодные условия, в первую очередь сильный ветер, значительно усилили действие огня в пустом городе». «6. «И, наконец, назовём *главную причину пожара. Вторжение армии Наполеона в Россию стало первопричиной ... московского пламени*. Если бы не приход под стены столицы врага, стремящегося покорить Россию вооружённой рукой, Москва бы не сгорела».

По поводу первой причины сразу возникает вопрос, а кто же был инициатором поспешного оставления города почти всем его населением, уж не Наполеон ли? Что касается военнослужащих Великой армии, то мы уже сказали, что основная их масса вошла в «первопрестольную» *уже после того, как разгорелся пожар*. Погодные условия могли катастрофически повлиять на масштаб ка-

тастрофы только при условии оставления города почти всем населением и вывоза, по приказу Ростопчина, пожарных труб. Названные автором причины опять же «свалены в одну кучу», а не расположены в хронологическом порядке и не ранжированы по значимости – так ему легче уйти от вопроса о том, *кто же первым поджег Москву?* Последний же довод Борисова может вызвать разве что улыбку. Это всё равно что винить во всех наших бедах Адама и Еву за их грехопадение! До 1812 г. Наполеон побывал во многих столицах Европы, но ни в одной из них не случилось подобного «светопрестваления», ни один европейский народ не додумался таким специфическим способом приветствовать завоевателя.

Свой текст Борисов снабдил огромными цитатами, *большинство из которых не имеет никакого отношения к первопричине московского пожара*, что превращает их чтение в мучительное занятие. Но они могут создать у простого читателя *видимость аргументированности* заявлений критика.

Борисов относится к той категории «квасных патриотов», которые до сих пор исповедуют обветшалые мифологические догмы. Они на дух не переносят новые, объективные подходы в исторической науке. То, что новое поколение историков в невиданных прежде масштабах ввело в научный оборот большое количество новых, в основном иностранных источников, прежде неизвестных российскому читателю, воспринимается ими в штыки, как «измена делу Родины»!

Неспособные ничего противопоставить многочисленным показаниям воинов наполеоновской армии, эти историки объявили все их свидетельства ложью и в отместку обрушили свой гнев на тех российских историков, которые «имели наглость» эти самые показания цитировать. Излишне говорить, что подобные инвективы, то есть оскорбительные выпады, к науке никакого отношения не имеют. Кроме того, «уропатриоты» в упор не хотят видеть, что *новые историки анализируют источники с обеих противоборствующих сторон, пытаются их «состыковать» и «примирить», чтобы получить объективные и взвешенные выводы!*

Привыкшие мыслить штампами и бездумно верить российской официальной пропаганде, они видят в объективном подходе к историописанию лишь «сдачу позиций» и «капитуляцию» перед иностранной историографией. Будучи сами до неприличия тенденциозными, они обвиняют новых историков, стремящихся к объективности, в «преклонении перед Западом» и в прочих несуществующих грехах. Такие люди не восприимчивы ни к каким аргументам, поскольку они *изначально и навсегда* убеждены в пре-

восходстве русского народа над всеми другими. Именно поэтому мы не видим никакого смысла продолжать далее дискуссию с подобного рода *дилетантами, не понимающими даже элементарных основ исторического ремесла*, полагая это бессмысленной тратой времени.

На примере Борисова читатель может наглядно убедиться, какими способами «ура-патриоты» пытаются во что бы то ни стало отстоять обветшавшие догмы официальной пропаганды. Они пытаются изыскать любые опровержения взвешенного подхода к *первопричине* московского пожара. Объективному взгляду на вещи они могут противопоставить только скудный набор антинаучных методов: подмена понятий, передёргивание или фальсификация фактов, замалчивание «неудобных» для них свидетельских показаний, приписывание оппонентам заведомо ложных утверждений.

В декабре 2011 г. другой наш критик, А.П. Нахимов, приписал нам следующие слова, обращённые к нему: «Так вы правнук того Николая Нахимова? Но ведь в Сычёвском уезде ничего такого не было. Не было и никакой народной войны в уездах губернии, партизанами отряды вооружённых поселян не были, никаких французов они не трогали, не убивали и не пленили. Французам не было необходимости отнимать продовольствие и фураж у крестьян, всё необходимое они везли с собой». В этом пассаже *правдой является только фраза о том, что крестьянские дружины не являлись партизанскими отрядами*, а всё остальное – это продукт больной фантазии Нахимова, который даже не удосужился прочитать нашу монографию, где в трёх местах описаны подвиги его славного предка.

Ссылаясь на эту ложь, «ура-патриот» Е.П. Столбов в январе нынешнего года прислал ректору Поволжской государственной социально-гуманитарной академии грозный запрос: «Неужели в Вашей Академии, готовящей будущих педагогов для *нашей матушки России*, действительно преподаёт историю д.и.н. А.И. Попов, который *в условиях современной разнузданной толерантности и в угоду врагам России имеет такие русофобские взгляды и озвучивает свои лживые выводы?*»⁷. Как тут не вспомнить грозные инвективы Борисова, с которых он начал свою сердитую статью! Как видим, «ура-патриоты», абсолютно неспособные возразить нам на уровне достоверных фактов, скатываются в итоге к банальному доносительству, совершен-

но не понимая, что доносительство утратило свою чудодейственную силу ещё 20 лет назад. Worse не случайно, что ныне единственным прибежищем подобных авторов остались лишь некоторые непрофессиональные и нечистоплотные интернет-издания.

Мы прекрасно понимаем, что по целому ряду причин *стопроцентный ответ на вопрос об инициаторе поджога Москвы дать невозможно*. Именно поэтому нам приходится прибегать к логике и учитывать косвенные свидетельства. По этой же причине у этих историков по-прежнему остаётся «лазейка» для пропаганды своих тенденциозных взглядов. Напоследок хочется им напомнить рассказ самого что ни на есть русского генерала А.П. Ермолова. В Филях он слышал слова Ростопчина: «Если без боя оставите Москву, то вслед за собою увидите ее пылающую». Поэтому, когда 14 сентября раздалась «в Москве два взрыва и обнаружился большой пожар», он сразу вспомнил эти слова генерал-губернатора. «*Собственными нашими руками разнесен пожирающий ее пламень, – заявил генерал. – Напрасно возлагать вину на неприятеля и оправдываться в том, что возвышает честь народа*»⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миром. Самара, 2002. С.178-183.
- ² Борисов М.В. Так кто же виновен в пожаре Москвы 1812 г. // <http://www.milhist.info> (дата обращения 5.01.2013). С.288-346.
- ³ Брандт Х. Поход в Россию // Армии и битвы. 2006. №6. С.35-36, 39.
- ⁴ 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С.166, 168.
- ⁵ Вильсон Р.Т. Дневник и письма 1812-1813. СПб., 1996. С.60, 62, 165, 197; Листовки Отечественной войны 1812 г. М., 1962. С.47.
- ⁶ Земцов В.Н. Процесс над «поджигателями», или Московский пожар глазами французов // Эпоха 1812 г. // Труды ГИМ. Вып.166. М., 2007. С.337-72; Он же. Граф Ф. Ростопчин, уголовники и московский пожар 1812 г. // Эпоха 1812 г. // Труды ГИМ. Вып.179. М., 2008. С.105-25; Он же. 1812 год. Пожар Москвы. М., 2010.
- ⁷ Нахимов А.П. Народная война на Смоленщине в 1812 году // <http://svoim.info/201152/?5261> (дата обращения 5.01.2013).
- ⁸ Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С.202, 207.

Доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Поволжского филиала
Института российской истории РАН
А.И. Попов, FINS